

—

Эту тётушку звали Хао Юйлань, она была женой старосты деревни. Женщина она была отзывчивая и сердобольная, а стоило ей увидеть скорбное выражение лица Линь Юэ, как в её душе тут же вспыхнуло огромное чувство ответственности: «Ох, какой же этот юный фулан послушный и славный, сегодня я просто обязана ему помочь».

Хао Юйлань почувствовала, как её собственная фигура в собственных глазах мгновенно стала выше и значительнее.

— Сюлян, пойдём уже, — обратилась она к скандалистке. — Чего ты со смышлёным ребёнком вздумала препираться? Если и дальше так проваландаемся, до вечера рассаду высадить не успеем.

— Эй, да не тяни ты меня! Погоди, я ещё...

Чжоу Сюлян хотела было ещё что-то выкрикнуть, но Хао Юйлань уже решительно уводила её прочь. Остальные женщины, шедшие рядом, тоже принялись ворчать:

— Где можно не считаться, там и не считайся. Как тебе только совести хватает наживаться за счёт ребёнка?

— Ладно ещё, когда ты с Сюньчунь зубами скрипишь, это дело привычное. Но как ты могла с новым фуланом разругаться? Они ведь, молодые-то, народ стыдливый, кожа на лице тонкая. Ты только посмотри, какими гадкими словами его честила! А ну как он обиды не вынесет? Ты же так чужое семейное счастье вдребезги разобьёшь.

Чжоу Сюлян кипела от негодования и громко провозгласила:

— Да это он первый со мной лаяться начал! Первый меня спровоцировал! Язык у него как бритва острая, а вы почему-то меня обвиняете! Вы просто не знаете — старый почтенный Шэнь на днях с моим отцом разговаривал, так жаловался: мол, новый фулан с ним препирается и ни капли почтения к старшим не имеет!

Она совершенно позабыла о том, что сама первая раскопала межу, и всем сердцем верила, что зачинщиком был Линь Юэ, искренне считая себя правой.

Женщины отошли всего на несколько шагов и говорили громко, так что Линь Юэ, стоявший позади, слышал всё до единого слова. Он тут же подал голос:

— Тётушка, ну как же вы можете так нагло врать и порочить моё доброе имя? Даже такое позорное клеймо, как «непочтительность к старшим», решили мне на голову водрузить! Хоть я и младший, но сегодня нам придётся во всём досконально разобраться.

Линь Юэ давно понимал, что та стычка со стариком Шэнь — это скрытая угроза его репутации, так что лучше было прояснить всё сейчас, чтобы потом не терзаться мыслями об этом. Учитывая заступничество бабушки Шэнь и его собственный образ кроткого новобрачного, он был на семьдесят-восемьдесят процентов уверен, что слава непочтительного сына к нему не приклеится.

И действительно, Хао Юйлань с сомнением в голосе произнесла:

— Да неужто? Бабушка из семьи Шэнь пару дней назад на прогулке встретила нас и так расхваливала: говорила, мол, у внука фулан и на язык сладок, и к старикам почтителен, и что Хуайчжи-то несказанно повезло. Неужто почтенная госпожа станет попусту болтать?

От этих слов Чжоу Сюлянь даже опешила. «Да как же так? — пронеслось у неё в голове. — Почему это старики в одном доме разное говорят?»

Линь Юэ, услышав это, окончательно успокоился и напустил на себя печальный вид:

— В тот день, когда я пошёл засвидетельствовать почтение дедушке, он сразу меня невзлюбил. Уж и не знаю, чем я его расстроил... Наверное, это всё моя вина, эх.

Линь Юэ не стал вдаваться в подробности, но Хао Юйлань и остальные женщины уже сами всё дорисовали в воображении: «Старик Шэнь, должно быть, до сих пор не может переварить тот давний раздел имущества с Чжэнчу. Вот и вымещает злобу на бедном фулане внука вместо того, чтобы разбираться с самим сыном. Совсем старик совесть потерял, ни капли благородства в поступках».

— Сюлянь, верно ты что-то напутала, — подытожила Хао Юйлань. — Да и в конце концов, даже если и перебросились парой слов на повышенных тонах — дело житейское. В какой семье не бывает шума да споров? Разве можно из-за этого человека в непочтительности обвинять? Впредь помалкивай об этом.

Сун Сюньчунь сделала шаг вперёд и твёрдо отчеканила:

— Чжоу Сюлянь, как мы ссоримся и спорим — это наше дело. Но если ты ещё хоть раз посмеешь распускать сплетни о младших, мы этого так не оставим. Юэ-гер — хороший ребёнок, и терпеть твои ядовитые речи он не обязан.

Чжоу Сюлянь и сама начала сомневаться: «Неужели и впрямь память подвела?» Бабушка Шэнь не походила на тех, кто станет лгать попусту. Но признать поражение она не могла, поэтому огрызнулась, напуская на себя грозный вид:

— Кто знает, где правда, а где нет. Поглядите на него — язык без костей, кто такому поверит!

Линь Юэ оставался сама невозмутимость:

— Благодарю тётушку за похвалу. Насчёт «острого языка» — это вы загнули, я лишь стараюсь не давать себя в обиду. А что до старших — к ним, разумеется, нужно проявлять почтение и заботу. Но перед тётушкой я веду себя совсем иначе, нежели перед родными.

Чжоу Сюлянь не нашлась, что возразить, и, пока она хлопала глазами, Хао Юйлань с подругами окончательно увели её прочь.

— Да хватит уже болтать. Мы же соседи, не ровён час из-за пустых препирательств врагами на всю жизнь станете, — уговаривали её соседки. — Как по мне, фулан Хуайчжи совсем не из таких людей. И ты тоже хороша — как можно такое плести? Только отношения портить.

Когда они скрылись из виду, Линь Юэ тяжело вздохнул. Хотя он и вышел победителем из спора, радости это не принесло. Он твёрдо решил, что в будущем нужно быть осмотрительнее.

Пусть в деревне ссоры и перепалки — обычное дело, но он только-только вошёл в семью, и ему следовало поддерживать образ кроткого человека, чтобы не бросать тень на репутацию семьи

Линь.

Сун Сюньчунь, видя его молчание, мягко сказала:

— Юэ-гер, не бери в голову. Наши семьи частенько переругиваются, в деревне к этому все привыкли. Ничего страшного.

Линь Юэ показалось, что свекровь не уловила самую суть. Череда ссор явно выдавала его бойкий и даже колючий нрав. Пусть он и защищал семью Шэнь, но неужели она совсем не боится, что в будущем он точно так же начнёт огрызаться и ей самой?

Эта мысль промелькнула на мгновение и тут же покинула его голову. «Нет — и слава богу, — подумал он. — Так и будем жить в мире».

— Матушка, я видел, что в той канаве ещё осталась вода. Давайте сначала пустим её на поле, чтобы не задерживать посадку после обеда.

Сун Сюньчунь хлопнула себя по лбу:

— Ох, чуть не забыла! Хорошо, что ты помнишь. Идём скорее, доделаем всё и поспешим домой обедать.

Вдвоём они прокопали отвод, пуская воду из канавы в чеки, затем обошли всё поле по периметру, подсыпая землю в низких местах, и только после этого направились к дому.

Шэнь Чжэнчу с обоими сыновьями всё ещё трудились в поле. Линь Юэ не стал прохлаждаться: вместе с Сун Сюньчунь они быстро приготовили еду, наполнили фляги горячей водой и, подхватив корзины, поспешили обратно к пашне.

Вся семья устроилась на меже. Пообедав, каждый взвалил на спину по корзине с рассадой и снова отправился в поле.

Когда Линь Юэ наполнял свою корзину, к нему подошёл Шэнь Хуайчжи и негромко сказал:

— Саженцы тяжёлые, не накладывай слишком много. Их уже почти не осталось.

Линь Юэ не стал спорить, прекрасно понимая, что сил у него действительно маловато:

— Тогда наполню наполовину. Если не донесу всё за раз, вернусь ещё.

Шэнь Хуайчжи вдобавок отдал свой соломенный плащ Линь Юэ:

— Надень этот, он побольше, так твои штаны не промокнут.

Всего в доме было четыре соломенных плаща: два больших и два маленьких. Обычно их вполне хватало, но когда вся семья дружно выходила на работу, одного недоставало. У Линь Юэ была нежная кожа; от ношения тяжестей его плечи быстро краснели. Шэнь Хуайчжи заметил это только сейчас, когда увидел, как тот растирает плечо.

Линь Юэ замер:

— Твоя корзина набита доверху, как же ты без плаща? Моя корзина не тяжелая, мне он ни к чему.

Шэнь Хуайчжи, не слушая возражений, сам накинул плащ ему на плечи:

— Я человек грубый, кожа у меня толстая, мне он без надобности. Носи и не спорь, а я пойду вон туда, наберу рассады. — Сказав это, он зашагал прочь размашистой походкой.

На лице Линь Юэ промелькнула улыбка. «А он и впрямь заботливый», — подумал он.

Сегодня воды в канаве было много, да и желающих набрать её поубавилось. Пока семья обедала, поле семьи Шэнь уже заполнилось до краев. Линь Юэ заделал проран в меже, закатал штанины и рукава, надел бамбуковую шляпу-доули и приготовился спускаться в чеки.

В полдень солнце палило нещадно, однако вода в поле оставалась прохладной. Когда ступаешь босой ногой в липкую грязь, ступни даже немного подмерзают. К тому же в иле водятся вьюны и пиявки — и еще неизвестно, то ли человек ими полакомится, то ли они человеком.

Шэнь Хуайчжи и Шэнь Чжэнчу взяли за концы разметочного шнура, натянули его ровной линией и с силой воткнули колышки по краям межи. После этого они начали высаживать рассаду, двигаясь от края поля вглубь.

Линь Юэ и двое других членов семьи распределились посередине. Сгибая спины и низко опуская головы, они левой рукой придерживали пучок рассады, а правой быстро подхватывали по два-три ростка и ловко втыкали их в податливую землю. С каждым их движением на поле появлялся ровный и упорядоченный ряд саженцев.

Посадка риса — дело тонкое, со своими хитростями. Воткнешь слишком глубоко — заболят руки, да и росткам будет трудно пробиться. Воткнешь слишком мелко — тоже беда: рассада не сможет пустить корни и просто всплывет на поверхность. Однако все они были мастерами своего дела, работали споро, выдерживая нужную глубину и идеальный порядок.

Линь Юэ стоял бок о бок с Шэнь Хуайчжи и то и дело слышал какое-то невнятное бормотание. Не выдержав, он придвинулся ближе:

— Что это ты там нашептываешь?

Шэнь Хуайчжи повернул к нему голову и вполголоса ответил:

— Читаю каноны по памяти. Когда руки заняты делом и внимание рассеивается, такое чтение помогает найти пробелы в знаниях и закрепить то, что подзабыл.

Линь Юэ понимающе кивнул и молча отодвинулся чуть в сторону, решив больше не отвлекать супруга от учебы.

*

Вся семья трудилась не покладая рук весь день, и только когда вечерние сумерки окутали землю, работа на этом поле была закончена. Линь Юэ и двое других прибрали инструменты и сложили бамбуковые корзины одну в другую. Шэнь Чжэнчу и Шэнь Хуайчжи взвалили на спины пустые корзины и остатки рассады, и все вместе направились домой.

На первый взгляд казалось, что высаживать рис не так уж утомительно, но к концу дня Линь Юэ чувствовал, что его поясница словно перестала ему подчиняться. Она ныла так сильно, что всю дорогу до дома он не переставал растирать её руками.

Шэнь Линчжи шел слева от него, повторяя те же движения:

— Брат, давай потом помассируем друг другу спины, а? Поясница просто раскалывается.

Линь Юэ бросил взгляд на Шэнь Хуайчжи и ответил:

— Хорошо, поедим и разотрем. А заодно пропарим ноги в горячей воде. Сегодня надо лечь пораньше, завтра ведь снова в поле.

Стоило им переступить порог дома, как Сун Сюньчунь махнула рукой, обращаясь к Линь Юэ и Шэнь Линчжи:

— Вы двое отдохайте. Ужин сегодня приготовлю я сама. Греть воду уже некогда, так что зачерпните из кадки и просто ополоснитесь. Полевая вода грязная, не ровен час заболеете. А полноценно вымоетесь уже вечером, когда согреем котел.

Шэнь Линчжи радостно отозвался и потянул Линь Юэ за собой.

Когда Шэнь Хуайчжи вернулся с внешних рисовых полей, он увидел Линь Юэ и Шэнь Линчжи, сидящих на корточках во дворе и умывающихся. Не успел он проронить ни слова, как Линь Юэ первым заметил его. Он вскинул голову и, глядя на него влажными глазами, лучезарно улыбнулся.

В голове у Шэнь Хуайчжи в миг стало пусто. Опешив, он лишь неловко дернул уголком рта в ответной улыбке.

— Иди скорее умывайся, чего застыл с корзиной в руках?

Шэнь Хуайчжи не сводил глаз с Линь Юэ:

— Вы сначала закончите, я сейчас... Нигде не поцарапался? Я там пару камней острых из ила выудил.

Линь Юэ окинул взглядом голени Шэнь Хуайчжи, не заметив никаких ран:

— Нет, не поцарапался. А ты сам как?

— Да пустяки, пара камешков кожу не прорежут.

Шэнь Линчжи переводил взгляд с одного на другого и в конце концов пришел к выводу: «Ха-ха, они меня в упор не видят, будто я тут и не стою вовсе». Он почувствовал себя лишним и подумал, что лучше бы ему было потихоньку ускользнуть, как только брат вошел в дом.

Пока эти трое — вернее, двое — весело переговаривались во дворе, в доме всюю хлопотала Сун Сюньчунь. Сегодня они припозднились, и если не поторопиться, ужинать придется при свете лампы.

Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, в комнатах потемнело. После целого дня тяжелого труда все были голодны как волки. Сун Сюньчунь не стала готовить изысканных блюд, сделав ставку на то, чтобы еды было много, она была сытной и приготовилась быстро.

Глядя на два блюда на столе, Сун Сюньчунь почувствовала легкую неловкость:

— Вот закончим дела за эти пару дней, и тогда уж устроим настоящий пир.

Линь Юэ покачал головой:

— Матушка, и это очень вкусно. Прекрасный ужин.

— Ох, не хвали меня, я-то знаю цену своей стряпне. Ешьте скорее, умывайтесь и ложитесь. Завтра я приготовлю завтрак поплотнее. Раньше закончим — больше дней отдыхать будем.

*

Работа в поле затянулась на три-четыре дня. В конце концов даже рассадный участок был заново перепахан и засажен саженцами. Однако страда на этом не закончилась: на полях еще ждали прополка и удобрение.

Только к концу четвертого месяца страдный сезон подошел к концу, остались лишь мелкие разрозненные дела. Для Шэнь Хуайчжи настало время возвращаться к учебе в частную школу. К этому моменту сезон Сяомань (Малое изобилие) уже миновал, и приближался Маньчжун (Колос в цвету)*.

[*Сяомань и Маньчжун — это два последовательных сельскохозяйственных сезона в традиционном китайском календаре. Обычно они выпадают на 4-й и 5-й лунные месяцы.]

Тем вечером, лежа в постели, Шэнь Хуайчжи заговорил о завтрашнем начале занятий и специально спросил:

— Хочешь завтра пойти со мной? Когда уроки закончатся, я зайду за тобой, и мы вместе вернемся.

Линь Юэ удивился:

— Правда? А не будет ли это... некрасиво?

Глаза Шэнь Хуайчжи искрились смехом. Он успокоил его:

— Отец с матерью ничего не скажут, не беспокойся.

Линь Юэ долго и серьезно обдумывал предложение, прежде чем отказаться:

— Работы в поле еще непочатый край, да и не заведено это — возвращаться в родительский дом спустя всего десять дней после свадьбы. Давай дождемся праздника Дуанью* через несколько дней. Накрутим цзунцзы**, отнесешь своему учителю, а заодно и моим родителям закинем. Тогда я смогу погостить у них полдня.

[*Праздник Дуанью (Праздник драконьих лодок) — один из четырех важнейших традиционных праздников Китая. Он отмечается ежегодно 5-го числа 5-го месяца по лунному календарю.

**Цзунцзы (粽子) — это традиционное блюдо из клейкого риса с начинкой, завернутое в листья (бамбука, тростника или лотоса) и сваренное на пару или в воде.]

Видя, что Линь Юэ всё решил, Шэнь Хуайчжи не стал спорить, лишь предложил:

— Тогда завтра перед занятиями я загляну к твоим родителям. У нас как раз поспела мушмула. В этом году плодов немного, зато они очень крупные. Утром соберу немного и отвезу.

В глазах Линь Юэ промелькнули эмоции. Неважно, сколько именно плодов он отвезет, само то, что Хуайчжи помнит об этом и проявляет заботу — редкое и ценное качество.

— Тогда я встану вместе с тобой. Соберем немного и для дома, а я заодно приготовлю завтрак. Видел на днях в шкафу мешочек маша, хочешь попробовать печенье из маша?

Шэнь Хуайчжи замялся:

— Я никогда не ел печенье из маша. Матушка из маша только кашу варила. Если хочешь — приготовь.

У Линь Юэ едва не защемило сердце от жалости к «бедному» Хуайчжи. Печенье из маша — одна из самых простых и обыденных сладостей, а он его даже не пробовал.

— Завтра утром и сделаем. Я ведь много каких сладостей умею готовить: и лепешки с красной фасолью, и каштановое печенье, и лакомства из османтуса. Со временем всё тебе приготовлю.

— Хорошо, тогда я буду тебе помогать. Огонь в печи я разводить умею.

Линь Юэ вдруг так развеселился, что уткнулся в одеяло и долго не мог перестать смеяться.

Шэнь Хуайчжи совсем растерялся, не понимая, что вызвало такой смех. Он лишь потянул за край одеяла:

— Не прячься, задохнешься ведь.

Спустя приличное время Линь Юэ перестал смеяться, резко сел в постели и собрался было слезть, но Хуайчжи удержал его.

— Ты куда? На улице темень непроглядная, еще упадешь. Зажги лампу сначала.

Линь Юэ обернулся:

— Чтобы завтра приготовить печенье, маш нужно замочить прямо сейчас, иначе он не разварится.

Шэнь Хуайчжи слегка нахмурился:

— Может, в другой день? Сейчас уже слишком поздно.

— Ничего страшного. Луна сегодня яркая, видишь, как свет сквозь окно льется? Просто залью водой и всё, это быстро.

Шэнь Хуайчжи тоже поднялся и тихо сказал:

— Тогда я пойду с тобой.

В ночной деревне царил безмолвная тишина, вокруг ни огонька. Боясь разбудить домашних, Линь Юэ и Шэнь Хуайчжи на цыпочках прокрались на кухню.

За прошедшие дни Линь Юэ уже отлично освоился на кухне. Не позволяя Хуайчжи зажигать лампу, он на ощупь достал из шкафа маш, отсыпал половину миски, дождался, пока Шэнь Хуайчжи принесет воды и зальет бобы, после чего они так же тихо вернулись в комнату.

На следующее утро Линь Юэ проснулся в объятиях Шэнь Хуайчжи. Раньше дома он просыпался ровно в той позе, в которой засыпал, но теперь, как бы он ни ложился, утром неизменно оказывался в кольце рук Хуайчжи. Пройдя путь от крайнего удивления до полного спокойствия, он теперь умел без лишнего смущения высвободиться и встать с кровати.

После того как Шэнь Хуайчжи встал и умылся, они вдвоем отправились на кухню.

Замоченный с вечера маш разбух, но кожица всё еще была жесткой. Для десерта она не годилась — нужно было её очистить. Линь Юэ придвинул табурет к столу и принялся перебирать бобы, выбрасывая порченные и счищая шелуху. Очищенный маш имел желтоватый оттенок; промыв его хорошенько, Линь Юэ поставил бобы в котел париться до готовности.

Пока Линь Юэ возился с бобами, Шэнь Хуайчжи уже поставил вариться кашу и подкинул пару поленьев в печь. Затем они, подхватив бамбуковую корзину, пошли в сад собирать мушмулу.

Рядом с мушмулой росло абрикосовое дерево с густой кроной. Желто-зеленые плоды абрикоса выглядели из-за листы; едва завидев их, Линь Юэ почувствовал, как рот наполнился слюной — еще не попробовал, а уже ощутил эту кислоту.

Оба дерева были посажены всего несколько лет назад и еще не вытянулись. Шэнь Хуайчжи, стоя под деревом, легко мог дотянуться до нижних веток, но самые спелые и крупные плоды висели выше. Тогда он перевернул пустую корзину, встал на неё и принялся тщательно отбирать лучшую мушмулу, наполнив корзинку почти до половины.

Когда Линь Юэ принимал корзину, рука его невольно дернулась вниз от веса. Он удивился:

— Какая же она крупная! Никогда такой не видел.

Шэнь Хуайчжи припомнил:

— Сорт у этого дерева хороший. Да и удобрений в этом году не жалели, а когда оно цвело, я лишние ветки обрезал, вот урожай и удался.

Линь Юэ состроил лицо ученика, который «мотает на ус».

Собрав мушмулу, Шэнь Хуайчжи прошелся по огороду, сорвал несколько крепких кочанов капусты и пару огурцов, после чего предложил:

— Давай завернем несколько штук печенья, я отвезу родителям на пробу. Вместе с овощами и фруктами как раз выйдет полная корзина.

Линь Юэ кивнул:

— Хорошо, сейчас сделаю. А ты отдохни пока, я позову к завтраку.

Шэнь Хуайчжи зашел вслед за Линь Юэ на кухню, выбрал чистую бамбуковую корзинку для овощей и только потом ушел в комнату собирать свои свитки и письменные принадлежности.

На сбор плодов ушло около одного кэ (~ 15 минут). Бобы в котле уже изменили цвет. Линь Юэ достал из шкафа ложку и надавил на боб — тот легко рассыпался. Он тут же снял котел с огня, размял маш ложкой в однородное пюре, добавил масло и сахар, тщательно перемешал. Затем выложил массу в сковороду, немного обжарил и оставил остывать.

В доме Шэнь сладости почти никогда не готовили, так что специальных форм у них не было.

Линь Юэ скатал из бобовой массы шарики, затем нашел несколько чистых дощечек, зажал массу между ними, чтобы она уплотнилась, и разрезал ножом на аккуратные брусочки. Так получилось «упрощенное» бобовое печенье.

Впрочем, дощечки — это неудобно. Линь Юэ решил через пару дней съездить в город и купить настоящие формы; для многих сладостей они необходимы, лучше купить раньше — мороки будет меньше.

Родители Шэнь, проснувшись и увидев, что молодежь хлопочет, не стали мешать и занялись своими делами: сегодня им снова в поле, медлить нельзя.

Только когда Линь Юэ позвал всех завтракать, они вымыли руки и вошли в дом. Сун Сюньчунь сразу заметила блюдо на столе:

— Это что же, сладости? Да еще и выложены как красиво.

Линь Юэ с улыбкой ответил:

— Приготовил печенье из маша. Матушка, попробуйте, вкусно ли вышло. Если понравится — буду чаще делать.

Шэнь Линчжи высунулся из-за плеча и быстро отправил кусочек в рот, невнятно пробормотав:

— Мама, я сначала за тебя проверю!

Сун Сюньчунь шутливо выругалась:

— Ишь какой шустрый! Брат старался, еще сам не ел, а ты уже ухватил.

— Вкусно! Брат Линь Юэ, ну и мастерство у тебя! С сегодняшнего дня печенье из маша — моя самая любимая еда.

Линь Юэ рассмеялся:

— Раз вкусно — ешь побольше. Садитесь все завтракать.

За столом царило оживление. После завтрака чета Шэнь собралась в поле. Уходя, матушка наказала:

— В поле работы осталось немного, вам с братом ходить не обязательно. Отдохните, да перестирайте грязное белье.

Линь Юэ и Шэнь Линчжи переглянулись и хором ответили:

— Поняли, мама.

Когда родители ушли, Шэнь Хуайчжи вышел со своим коробом для книг и корзиной в руках. Стоя во дворе, он спросил:

— Может, нужно что-то передать родителям?

Линь Юэ покачал головой:

— Скажи им просто, что у меня всё хорошо, больше ничего не надо. Иди скорее, не то

опоздаешь.

— И вот еще: на обед загляни к ним. Ты сегодня первый день как вернулся, если не придешь поесть — они расстроятся. Впрочем, перекус я тебе тоже собрал, смотри сам по обстоятельствам.

Шэнь Хуайчжи на всё соглашался:

— Тогда я уйду. А вы двое берегите себя дома.

Линь Юэ, видя, что тот волнуется больше него самого, замахал руками:

— Иди уже, иди, а то и впрямь опоздаешь.

Солнце медленно поднималось над горизонтом. В доме остались двое. Линь Юэ и Шэнь Линчжи не стали расходиться и вместе принялись убирать со стола.

Линь Юэ подумал и сказал:

— Линчжи, сходи собери грязные вещи из комнаты родителей. Постираем пораньше, чтобы потом заняться чем-нибудь другим.

— Понял, брат, сейчас всё принесу.

Собрав всё грязное белье семьи, они подхватили по огромному тазу и отправились к реке за двором.

Линь Юэ с нескрываемым восторгом уставился на траву у кромки воды и окликнул Шэнь Линчжи:

— Линчжи, гляди скорее! Здесь растет мыльнянка. Давай нарвем её с собой и заварим: она не только для стирки хороша, но и для купания сгодится — куда удобнее обычных мыльных ягод.

Шэнь Линчжи восхищенно охнул:

— Какая удача! Я мигом сбегаю домой за серпом. В прошлый раз тоже хотел срезать после стирки, так пока возился, кто-то другой уже всё унес.

— Вот как? Тогда поторапливайся, а я пока начну стирать и подожду тебя.

Не успели Линь Юэ и Шэнь Линчжи толком приняться за дело, как к реке потянулись другие жители. Берег наполнился шумом голосов и плеском воды — за разговорами работа спорилась быстрее. Линь Юэ, пользуясь случаем, деликатно укреплял свой новый образ, стараясь, чтобы каждый встречный видел в нем человека кроткого и доброжелательного, но отнюдь не безвольного, на ком можно ездить верхом.

Прошло около двух часов, прежде чем Линь Юэ и Шэнь Линчжи закончили. Попрощавшись с женщинами, они собрались домой.

— Тётушки, вы стирайте, а мы пойдем. Как будет время — заглядывайте к нам в гости.

Среди прачек оказалась и Хао Юйлань. Она уже чувствовала себя с Линь Юэ почти по-свойски, поэтому отозвалась первой:

— Обязательно зайду. И вы, как выберете свободную минутку, заходите к нам — ваша невестка дома одна мается от скуки.

— Правда? Тогда при первой же возможности наведаемся.

Обменявшись любезностями, Линь Юэ и Шэнь Линчжи зашагали к дому. Времени оставалось в обрез, поэтому они быстро распределили обязанности: Линчжи отправился развешивать белье, а Линь Юэ поспешил на кухню готовить обед.

Разводя огонь, Линь Юэ невольно задумался: «Интересно, чем его родители потчуют сегодня Шэнь Хуайчжи?» Ему вдруг очень захотелось маминых лепешек с острой начинкой. «В следующий раз, как пойду домой, обязательно попрошу её напечь», — решил он про себя.

Впервые им пришлось обедать вчетвером, и Линь Юэ было непривычно. Он то и дело поглядывал на дверь, надеясь увидеть фигуру Шэнь Хуайчжи, за что даже получил пару шуточных замечаний от Сун Сюньчунь.

Время пролетело незаметно в домашних хлопотах, и вот уже наступили сумерки. Во второй половине дня родители Шэнь вернулись с поля пораньше, так что заботу об ужине взяла на себя матушка Шэнь, а Линь Юэ лишь помогал ей на подхвате.

Заметив, что невестка немного томится, Сун Сюньчунь предложила:

— Хуайчжи скоро должен вернуться. Если хочешь, прогуляйся до окраины, встретить его.

Линь Юэ немного засмутился, но всё же согласился. Ему не терпелось узнать, заходил ли Шэнь Хуайчжи к его родителям — он уже столько дней не был дома и очень по ним скучал.

— Матушка, тогда я пойду.

Сун Сюньчунь с улыбкой напутствовала:

— Иди-иди. Дорогу-то помнишь? Смотри, не заблудись.

— Не волнуйтесь, матушка, я знаю путь.

Линь Юэ выбежал со двора, но, приблизившись к перекрестку, замедлил шаг. К счастью, сегодня Хуайчжи освободился пораньше, и они столкнулись прямо у въезда в деревню.

Шэнь Хуайчжи удивился, увидев фулана:

— Почему ты здесь? Что-то случилось?

— Ничего не случилось, просто пришел встретить тебя из школы.

Шэнь Хуайчжи не ожидал такого ответа. Сердце его наполнилось радостью, но он всё же мягко проворчал:

— Не ходи больше так далеко. От дома до окраины путь неблизкий, лучше бы отдохнул лишний раз. К тому же за деревней безлюдно, мало ли что.

Линь Юэ шел следом за Хуайчжи, стараясь наступать на его тень:

— Сегодня дома дел было немного, вот и пришел. В страду-то точно не до прогулок будет. Да и

за пределы деревни я не выхожу, так что не беспокойся.

— Ну, как знаешь. Спасибо, что встретил, я очень рад.

У Линь Юэ зачесалось в ушах — голос Шэнь Хуайчжи звучал так нежно, что казалось, из него сейчас потечет мед. Слегка откашлявшись от смущения, он перевел тему:

— Ты заходил к моим?

— Заходил. В обеденный перерыв брат специально пришел позвать меня, и матушка тоже была. Я пообедал у них и только потом вернулся в школу.

Линь Юэ удовлетворенно кивнул и принялся расспрашивать дальше:

— И как они? Здоровы? Никто не занемог? А брат как?

Шэнь Хуайчжи успокаивающе коснулся его плеча и негромко произнес:

— Не тараторь так, всё по порядку. Родители здоровы, брат тоже. Твое бобовое печенье им очень понравилось. Я передал, что у тебя всё хорошо и волноваться не о чем, так что будь спокоен.

Сказав это, он откинул ткань, прикрывавшую корзину, и выудил сверток:

— Это матушка испекла для тебя острых лепешек — сказала, ты их очень любишь. А еще вышила для тебя платок с лотосами.

На душе у Линь Юэ стало тоскливо — ему до боли захотелось домой. Эх...

Он бережно спрятал платок за пазуху и с улыбкой сказал:

— Машины лепешки — самые вкусные на свете! Оставим их на ужин.

Видя, что фулан приуныл, Шэнь Хуайчжи достал еще один сверток:

— А это я по дороге набрал — шелковица и костяника. Очень сладкие, попробуй.

Глаза Линь Юэ загорелись. Он отправил одну ягоду в рот:

— На этой дороге растет такое? Давно не ел... Ты тоже ешь.

Съев три-четыре штуки, он вдруг спохватился:

— А Линчжи и родителям оставил?

Шэнь Хуайчжи: —

Линь Юэ:

— Забыл?

— Кхм... Первый раз собирал, из головы вылетело. В следующий раз обязательно оставлю.

Линь Юэ бросил на него строгий взгляд:

— Хорошо, что я всё не съел! А то было бы некрасиво — еще испортим отношения с родней из-за ягод.

Шэнь Хуайчжи, признавая вину, тихо пообещал:

— Впредь буду помнить.

Путь до дома был недолог; за разговорами они и не заметили, как показались крыши дома Шэнь. Линь Юэ глянул на дымок из трубы и поторопил супруга:

— Давай скорее, дым уже рассеивается. Матушка наверняка уже всё приготовила.

— Идем.

И впрямь: когда они вошли, Сун Сюньчунь уже раскладывала еду по мискам.

*

Незаметно наступил пятый месяц. Шэнь Хуайчжи по-прежнему уходил на рассвете и возвращался на закате, а Линь Юэ вовсю помогал Сун Сюньчунь по хозяйству, доделывая последние мелкие дела.

Только после обеда четвертого числа Линь Юэ наконец освободился и решил заняться цзунцзы.

— Матушка, давайте сегодня накрутим побольше цзунцзы. Слышал я, что их название созвучно с «успехом на экзаменах» (цзун — успех). Сделаем на удачу!

Сун Сюньчунь закивала:

— Впервые слышу о таком, но звучит и впрямь на удачу. Тогда наделаем вдоволь — пусть Хуайчжи и учителю своему отнесет, и твоим родителям.

Линь Юэ с улыбкой отозвался:

— Сделаем с разными вкусами: и сладкие, и соленые.

Тут Шэнь Линчжи, который до этого сидел, погруженный в свои думы, вдруг встрепенулся:

— Разве бывают соленые цзунцзы? Разве это может быть вкусно?

—

<http://bllate.org/book/17206/1614621>